

Л. Тимофеев

Анчар

Для понимания идейной направленности стихотворения следует иметь в виду отмеченное В. Виноградовым соответствие между «Анчаром» и стихотворением П. Катенина «Старая быль». В этом стихотворении Катенин в несколько завуалированной форме осуждал известные «Стансы» Пушкина («В надежде славы и добра...»), усматривая в них похвалу «царю-самодержителю». Поэтическим ответом на упреки Катенина и был пушкинский «Анчар», свидетельствующий о верности Пушкина свободолобивым идеям декабризма. Не случайно генерал Бенкендорф сразу же запросил Пушкина, почему он напечатал свое стихотворение «без предварительного испрошения на напечатание... высочайшего дозволения».

Таким образом, исторически обусловленное идейно-эстетическое содержание, лежащее в основе «Анчара», очевидно. Для того чтобы получить художественное выражение, оно должно было облечься в форму конкретного человеческого переживания, передающего противоречие между деспотическим общественным строем и противостоящим ему эстетическим идеалом свободы и гуманизма. <...> Прежде всего Пушкин стремится дать наиболее острое и драматическое изображение анчара. <...>

Пушкин находит, отбрасывает, отыскивает все более резкие и напряженные детали, рисуя страшную картину смерти и гибели, которые окружают ядовитое дерево: «На почве мертвой, раскаленной», «могучий яд», «прах отравленный клубится», «пустыня смерти», «тигр ярый бьется». Но картина эта важна ему не сама по себе. Значение ее в том, что к страшному дереву идет человек. Возникает первый набросок:

Но человек ко древу яда

и далее:

Но человек
к Анчару страшному подходит

и сейчас же возникает следующая запись, та, в которой содержится весь идейный смысл стихотворения:

Но человека человек
В пустыню посылает.

Но почему мог человека человек послать к анчару? Начинаются поиски следующей строки: «Послал к анчару властным словом», «Послал к анчару самовластно», «Послал к анчару равнодушно». И уже под конец находятся самые точные слова: «Послал в пустыню властным взглядом», и строка приобретает окончательную форму: «Послал к анчару властным взглядом». Идейный смысл стихотворения выражен с предельной точностью. В характеристике раба у Пушкина были различные оттенки. Путь к анчару — это подвиг. В черновиках находим эпитет «смелый», строку «И тот безумно в путь потек». Появляется определение «верный раб». Но все это отбрасывается — дело ведь не в смелости и не в верности раба, а в его послушности, то есть в предельном подчинении его чужой воле, «властному взгляду» (даже не «властному слову»). Стихотворение построено на контрастах, прежде всего в композиционном отношении. Дерево смерти — и идущий к нему человек; раб — и владыка. В восьмой строфе контраст выражен с наибольшей силой:

И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

Казалось бы, стихотворение завершено, противоречие раскрыто. Но Пушкин находит новый и еще более трагический поворот темы: ради чего погиб бедный раб, ради

чего совершен его, хотя бы и подневольный, подвиг? И последняя строфа еще более расширяет идейный смысл стихотворения. Владыке нужны послушные, как раб, стрелы, чтобы он с ними

...гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

Если анчар губителен для тех, кто идет к нему, то владыка рассылает эту гибель. Гуманистический пафос стихотворения здесь достигает особенной силы. Таким образом, композиция стихотворения основана на резких, непримиримых контрастах и противоречиях. Они передают, с одной стороны, накал общественной борьбы, который только что нашел свое выражение в восстании декабристов 1825 года, и в то же время в этих контрастах и выражается характер лирического героя, смело и непримиримо обнажающего всю остроту противоречий деспотического строя. Эта контрастность, поиски предельно острых и драматически выразительных средств определяют и лексику стихотворения. <...>

Анчар «стоит — один во всей вселенной». Эпитеты и определения подчинены той же цели передачи драматичности и напряженности как самой ситуации, так и речи говорящего о ней лирического героя: «грозный часовой», «жаждущие степи», «день гнева», «вихорь черный», «лист дремучий». Контрастна сама организация повествования. Контраст этот выражается в том, что повествователь, с одной стороны, говорит о предельно трагической ситуации: владыка посылает на смерть раба, чтобы ценой его гибели нести смерть другим людям, и в то же время сам повествователь не дает этому оценки, он только рассказывает о той трагедии, которая произошла около анчара. Его отношение к ней прорывается только в упоминании о бедном рабе, в негодующем сопоставлении: «человека человек», да еще, пожалуй, в подчеркнуто простом и в то же время скорбном рассказе о том, как умирал бедный раб. <...> Таким образом, и композиция стихотворения, и его лексика, и входящие в него повествовательные элементы (анчар, владыка, раб) — все это единая и целостная формы раскрытия состояния характера лирического героя, его конкретизирующая, превращающая его в индивидуальное переживание, в конкретную картину духовной человеческой жизни, созданную средствами речи. Большую роль в этой конкретизации играет ритмическая и звуковая организация стиха. <...>

Стихотворение написано четырехстопным ямбом, его ритмическое своеобразие связано прежде всего с тем, как расположены ударения в строке. Рассмотрим их распределение в «Анчаре».

Композиционно стихотворение можно разделить на четыре части. Первые пять строф дают описание анчара. Первая половина второй строфы, то есть первая и вторая строки, вводит новое в течение стихотворения — приказ владыки, далее вторая половина шестой строфы и седьмая и восьмая строфы дают описание судьбы раба, последняя — девятая — строфа говорит о царе. Первая часть почти полностью выдержана на однородных ритмических строках: идет как бы перечисление свойств анчара, строфы однородны в интонационном отношении и не требуют поэтому каких-либо существенных отступлений в движении ритма:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мертвую ветвей,
И корни ядом напоила.

Как видим, здесь все строки (за одним исключением) дают сходное расположение ударений: в каждой строке три ударения; ударение на 6-м слоге опущено. Это создает однородность ритмического движения, отвечающего интонационной однородности

текста: перечислению, так сказать, качеств анчара. Так же строятся следующие три строфы. Всего на 20 строк здесь приходится лишь три четырехударные строки и одна двухударная.

Одна четырехударная строка заканчивает первую строфу («Стоит — один во всей вселенной»), поддерживая завершающую интонацию), другая — в четвертой строфе (она связана с переносом: «И тигр нейдет — лишь вихорь черный») и третья заканчивает все описание анчара («Стекает дождь в песок горячий»).

Все они, таким образом, интонационно мотивированы, придают строкам, с которыми связаны, индивидуальное своеобразие, но в то же время, поскольку все окружающие строки несут по три ударения, они не выступают с особенной подчеркнутостью, что и не требуется ходом повествования, поскольку все оно строится в одном плане — описание анчара. Что касается одной двухударной строки внутри третьей строфы («И застывает ввечеру»), то она не связана с существенными смысловыми и интонационными оттенками фразы и поэтому не попадает, так сказать, в ритмическое поле зрения.

Звучание стиха резко меняется при переходе ко второй композиционной части. Здесь от описания анчара Пушкин переходит к основному противоречию, к основному конфликту. Здесь резкий интонационный подъем. Дважды повторяется слово «человек», но с совершенно различным вкладываемым в него смыслом. Здесь — центр трагедии, потрясшей лирического героя. Как же звучит его голос? Пушкиным собраны здесь все средства звуковой выразительности. Повторение слов, естественно, является и повторением звуков, оно поддержано в следующей строке повторением во всех словах звука «а» («Послал к анчару властным взглядом»), такого подчеркнутого звукового повтора нет ни в одной другой строке стихотворения. Наконец, эта смысловая, интонационная, звуковая выпуклость первых двух строк шестой строфы поддержана и ритмически.

Пятая строфа, как мы помним, оканчивается завершающей четырехударной строкой. А шестая строфа начинается двухударной строкой, после которой снова следует четырехударная, причем все ударения приходятся на звук «а». Все это придает им особенно своеобразный, индивидуальный характер, благодаря чему эти самые важные в смысловом и эмоциональном отношении строки звучат исключительно выразительно, опираются и на ритм, и на звук. Все это придает интонации этих строк максимально драматический характер, отвечающий сущности самого переживания, в них облеченного, точнее — в них только и существующего. <...>

Третья часть — это история раба, и она имеет свою интонационную и ритмическую концовку. Рассказ о нем снова идет на трехударных строчках (седьмая и восьмая строфы и первое полустишие восьмой строфы), затем идет интонационный подъем, и ему отвечает четырехударная строка («И умер бедный раб у ног»), за которой следует двухударная («непобедимого владыки»), завершающая строфу. <...>

Единство всех элементов и определяет художественную силу и убедительность речи лирического героя — носителя переживания, составляющего непосредственное содержание стихотворения «Анчар». Все они составляют меру определенности этого непосредственного содержания вплоть до расположения ударных и безударных слогов, придающих своеобразие его ритму.